

ЯСЯ БЕЛАЯ

ИЗМЕНА. *За что, любимый?*

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Яся Белая

Измена. За что, любимый?

<https://litres.ru/74221244>

Аннотация

— За что, любимый? Я смотрю в его глаза, прежде такие родные и полные нежности, и не могу поверить, что человек, которого так люблю, предал меня. — О чём ты? Противно, что он всё ещё играет: пальцы дрожат, взгляд растерянный, как будто и впрямь не понимает. Только снимки, разбросанные на столе, говорят сами за себя... Не желаю слушать его оправданий. Не собираюсь прощать. Разворачиваюсь и ухожу. *** У мужа есть вторая семья. Он содержит её на деньги моего отца. Я думала, что ничего хуже со мной уже не случится. Оказывается, под угрозой не только семейное счастье, но и сама жизнь. Правда, я недаром ношу имя роковой красавицы Саломеи – каждый, обидевший меня, пожалеет... Теперь главное собрать по осколкам своё сердце и заново научиться верить и любить _____ ХЭ, однотомник

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Пролог

— Крепись, девочка моя.

Мама накрывает мои ладони своими и ласково сжимает их. Будто хочет поделиться силой.

Мы сидим сейчас за столиком в фут-корте мега-молла. Вокруг снуют люди, гремит музыка, что-то кричат аниматоры, зазывая больших и маленьких зрителей. Всей этой пёстрой разноликой толпе до нас и дела нет. В этом мире только мы друг у друга — две женщины, потерявшие веру в мужчин. Она — в моего отца, я — в мужа, которого мне этот самый отец и навязал.

— Мам, — бормочу потерянно, всё ещё не желая верить в её слова, — может, это неправда? Может, ошибка?

— Дочур, милая моя, увы, нет. Ты же сама всё видишь, — говорит она с сочувствием, пересаживается поближе ко мне, обнимает за плечи. Я опускаю голову ей на плечо и тихо, жалобно плачу. Она, как в детстве, баюкает меня, гладит по голове, утешает. — Тихо-тихо, Саленька. Он не стоит твоих слёз, детка. Говорила я твоему отцу, что он змея на груди пригрел, но Лёвушка мне не верил. Ты только не злись, малыш, но мне порой казалось, что этот Генка отцу дороже тебя.

Грешно так об умершем. Я знаю, что папа старался для

меня. Геннадий всех смог обвести вокруг пальца, в том числе, и моего сверхпроницательного папу. Недаром же, гений.

— Мам, — вою я, — почему, мам?.. Я бы ведь ему всё простила, даже измену. Но ребёнок!

— То-то, малыш. Это же надо быть таким подлым! А каким хорошим себя выставлял: мол, сначала тебе доучиться надо, чтобы не разрывалась между учёбой и малышом. Будто у тебя матери нет? Или денег, чтобы нанять няньку?

Мама совершенно права — ребёнок для нас с Геннадием был большим вопросом. Он всё время говорил, что нам нужно повременить, ещё успеется, что мне нужно закончить университет. Теперь понятно, почему он не хотел наших детей — они бы мешали ему одаривать своего. Между прочим, из кармана моего отца.

Я вновь бросаю взгляд на разбросанные по столу снимки. На них мой любимый Геночка, клявшийся мне, что я — единственная любовь всей его жизни, целует в щёку знойную брюнетку, а между ними, запрокинув голову, стоит счастливый малыш... Лет десяти. Значит, когда Геннадий женился на мне, ребёнок уже был. Как же он скрыл его от отца? У него же в фирме такая служба безопасности, что комар носа не подточит. Оказывается, подточит, и ещё как!

Кроме фотографий на столе — тест ДНК, в котором родство между Геннадием и мальчиком по имени Денис, хорошим таким, славным, действительно, похожим на него, более девяноста процентов. А ещё есть выписки со счетов и суммы

переводов. Они немалые. Уверенна, Геннадий — хороший отец, заботливый, щедрый. Вон, на всех фото мальчик смеётся и очень счастлив.

А я? Я такая дура и так люблю Гену, что готова отпустить его к ним. Пусть хоть там у него всё получится, если у нас не вышло.

— Мамуля, — хнычу, прижимаясь к своей роднуньке, — что же теперь делать?

— Во-первых, — она чмокает меня в лоб, по-прежнему не выпуская из объятий, — помнить, что тебе есть, куда идти. И что мать ещё, слава богу, жива и полна сил. И дом всегда открыт для тебя. Во-вторых, вышибить клин клином. Помнишь, Рустама Каримова? Всё по тебе вздыхал? — мама утирает мне слёзы, заговорщицки подмигивает и улыбается. — Он ведь *«О, боже, какой мужчина!»* До сих пор, если пересекаемся, тобой интересуется.

Рустам, действительно, интересный мужчина. И даже нравился мне в своё время. Но вот только... Отец ведь затеял нашу с Геной свадьбу специально, чтобы отвести от меня Рустама. Папа ему не доверял. Мысленно хмыкаю — зато Генке доверял целиком и полностью. Даже меня вверил. И так ошибся!

— Мам, — говорю честно, — не хочу пока что никаких отношений. Ни с Рустамом, ни с кем-то ещё. Мне сейчас будто душу вынули.

— Маленькая моя, — мама обнимает меня ещё крепче и

прижимает к себе, и у меня, как в детстве, отступают все болячки, перестаю хлюпать носом, насыщаясь родным теплом и становясь сильнее.

Какой глупой я была, что не верила маме. Злилась, когда она наняла детективов, чтобы следить за Геной. Защищала этого предателя. Вот только мама оказалась права. И эта правда сейчас медленно убивала меня.

— Мам, я прямо сейчас поеду к нему и всё выскажу.

Поднимаюсь, беру сумочку, чувствую, что решимости мне сейчас не занимать.

Мама хватается меня за руку.

— Не вздумай! Ещё не хватало, чтобы ты перед ним унижалась. Теперь к нему только с адвокатом. И с документами на развод! Имей гордость, Саломея. Если ты ему дорога — сам поймёт, что натворил, и отпустит.

— Нет, мам. Мне нужно! Глядя ему в глаза!

Да, хочу знать, как можно клясться в любви, уверять, что я его единственная, и при этом — проводить время с другой женщиной и их ребёнком? Как?

Маме меня не понять — отец никогда ей не изменял.

Сгребаю фотографии, бумаги, прячу всё в сумку, поднимаюсь.

Мама пожимает мне руку и говорит:

— Будь умницей! Не давай слабинку!

— Уж поверь — не дам! И не прощу!

Мама невесело улыбается:

— Узнаю свою дочь.

Я тоже отвечаю ей натянутой улыбкой, наклоняюсь, целую в щёку и спешу в офис к мужу. Разговор у нас будет короткий, потому что я намерена задать Геннадию всего один вопрос: «За что, любимый?» и буду ждать на него честный ответ...

Глава 1

Несколькими часами ранее

— Не могу определиться с галстуком, — говорит Гена и присаживается на край кровати. Я знаю, что галстук — это просто повод. Он обожает меня сонную, разнеженную, когда вот так потягиваюсь в постели. Наклоняется, целует в губы — тянуче-сладко. Вскидываю руки, скольжу по каменным плечам, выше, запуская пальцы в шёлк русых волос, ерошу идеальную причёску своего идеального мужа. Любуюсь тем, как он опускает ресницы, наслаждаясь лаской... Ловит мою ладонь, прижимает к щеке — как обычно — гладко выбритой. — Так какой?

— Вот этот, — вытаскиваю голубо-зелёный, — как раз под твои глаза.

В награду получаю ещё один поцелуй.

Тянусь к мужу, помогаю завязать выбранный галстук.

— Вот, идеально.

Разглаживаю несуществующие складки на его сорочке.

Безупречный мой.

Любуюсь.

Гену нельзя назвать ослепительным красавцем. Особенно, если он, как обычно, включает надменного циника —

то лицо и вовсе становится почти отталкивающим. Но для меня он — самый красивый. И то, что не слащавый, а холодный и строгий, только придаёт ему привлекательности и шарма. Ведь к этому добавляются ещё высокий рост, спортивная фигура, умение модно и элегантно одеваться, изысканный парфюм с терпкими нотками. Понятное дело, что другие женщины реагируют на моего мужчину.

Но он — только мой, а я — его. Вот уже три года.

— Что будешь делать, малыш? — спрашивает муж, завершая утренний туалет. Это только со мной он такой — нежный, с лучистым взглядом, заботливый и чуткий. Мой тайный. Мой сакральный. Просто мой...

— Нужно заехать в институт — подписать документы по практике. А потом мама звала в кафе посидеть.

При упоминании о моей матери лицо мужа мрачнеет.

— Будь с ней... менее откровенна, — говорит он.

— Ген, не начинай, а?! — мгновенно пылю я. — В конце концов, она — моя мать.

Он хмыкает, тут же застёгивая душу на все пуговицы, становясь отстранённым и холодным.

— Лев Сергеевич любил эту женщину, только поэтому я терплю её рядом с тобой, — резко чеканит и выходит из комнаты без обычного нашего нежного прощания.

Запускаю вслед подушкой.

Бесит.

Их ненависть друг к другу бесит неимоверно. И то, что оба

заставляют выбирать между ними. Они друг друга недолюбливают ещё с той поры, когда отец был жив, а Гена числился его помощником. Хотя, наверное, мама невзлюбила Геннадия ещё раньше — когда только отец — двадцать лет назад — взял под крыло одарённого сироту, юного гения и сделал его своим главным доверенным лицом. Мама ревновала, говорила, что Генка — коварный и продуманный. «Ты его не просчитаешь, — обычно увещевала она папу, — а он тебя на раз-два. Как ты его не боишься?» Когда отец настоял на нашей с Геной свадьбе — у мамы случилась истерика. У меня, впрочем, тоже. Мне тогда было всего восемнадцать, и я хотела замуж только за Рустама Каримова. Но... Много чего случилось — и мой муж сумел сделать меня безумно счастливой. Я полюбила его всей душой. Он стал моим первым и до конца дней, уверена, останется единственным. Потому что... Где я найду лучшего? Но мама... Она так не думала. В безупречной правильности Гены ей всегда чудился подвох. Недавно она даже наняла частного детектива, чтобы следить за моим мужем. У нас тогда случился грандиозный скандал. Я сильно на неё обиделась... Однако... у мамы прихватило сердце. И пока я сидела у дверей её палаты, простила ей всё: в конце концов, она — моя мать. Переживать, заботиться, перестраховываться — естественно для неё. Разве не потому что же отец, почуяв приближение смерти, отдал меня тому человеку, которому доверял больше всего? Гена воспринял всё случившееся неоднозначно, почему-то назвал игрой. Что

сильно обидело меня. Сейчас, когда не стало папы, только он и мама оставались моей семьёй. Ближе и дороже просто никого нет. Поэтому неприятно, что дорогие мне люди враждуют.

Выбираюсь из постели, топаю в ванну, а потом на завтрак.

— Геннадий Иванович сегодня пулей вылетел, — сообщает мне наша домработница, накрывая на стол. — Злющий был, как чёрт.

— Да ну его, — машу рукой и, подцепив румяную гренку, ташу в рот, — они снова с мамой меня не поделили.

— Тёща и зять — вечная классика, — усмехается Мария Васильевна, милая, пухлая женщина. — К сожалению, во многих семьях так. Свой ребёнок матери всегда дороже, а муж-жена всегда ревнуют к материнской любви. С невестками то же самое, уж поверь. Моя, вон, постоянно сына против меня настраивает.

— И пусть. Достали, вот честно, — злюсь я. — Вроде бы взрослые люди, а всё не могут определиться, чья из них я. Давайте не будем о них. Лучше о вас, — встаю, приобнимаю её за плечи: — Устроим вам сегодня выходной? Я обедаю с мамой, у Гены — деловая встреча, а на ужин мы приглашены к Барышам. Так что, вы свободны на весь день.

— А уборка? — сетует женщина.

— Так блеснит же всё! — чмокаю её в щёку. — Давайте вы лучше сходите с внуками в цирк, сейчас, у меня кое-что есть, — быстро отбегаю в комнату и возвращаюсь с яркими биле-

тами на цирковое представление. — Вот, из самой Москвы к нам пожаловали. Думаю, ваши мелкие будут в восторге...

Добрая женщина расцеловывает меня, смахивая слёзы. Марья Васильевна для нашей семьи больше, чем наёмный работник. Она такая же родня. Её муж у моего отца всю свою жизнь водителем проработал, а она — у нас дома. С детства её помню. А с тех пор, как мы с Геной перебрались сюда, в пентхаус, она переехала к нам. С моей мамой тоже почему-то не уживалась, но в причины конфликта никогда не посвящала. А я в душу не лезла.

В общем, с домработницей мы расходимся довольные друг другом. Я спускаюсь на парковку, где меня уже ждёт машина с личным водителем — заморочка Гены, он немного повёрнут на моей безопасности с тех пор, как на меня, три года назад, покушались, а Марию Васильевну — успеваю заметить — подхватывает такси.

Машем друг другу, разъезжаясь в разные стороны. По дороге в институт погружаюсь в изучение соцсетей. Звонок заставляет меня отвлечься от сообщения, которое я строчу в чат однокурсников — обсуждаем поездку на природу, чтобы отметить завершение практики...

Номер неизвестен, и это меня напрягает, но, тем не менее, машинально тяну вверх зелёную трубку. И по мере того, как слушаю то, что вещает изменённый программой мужской голос, глаза мои распахиваются всё сильнее. Этого просто не может быть!

— Ну что, сучка, — говорит незнакомец, — когда твой ёбарь деньги отдаст?

Меня передёргивает от гадкого обращения и мата. Не выношу этого. Разве что во время секса мы с Геной можем себе позволить крепкое словцо. Вернее, он. Меня это заводит. Но вне постели мы всегда общаемся культурно и литературно. Да и в нашей семье мат и вульгарные слова неприняты — папа никогда не позволял себе, а мама и вовсе...

Разумом я понимаю, что ублюдок, который звонит мне, ошибся номером, но меня всё равно трясёт от омерзения.

— Не понимаю о чём вы, — бросаю в ответ.

— Дурочку не включай, — скрипит голос. — А то мы тебе быстро всё напомним. И своему чмошнику передай — счётчик включён. Пусть поторопиться.

Звонок обрывается, а я всё ещё сижу и хлопаю глазами. Вроде бы это меня не касается — мир, в котором есть угрозы отмороzków за долги — параллелен моему. Гена не во что такое бы не влип. Да и те, кто звонил, явно были уверены, что женщина их знает. И знает о долгах своего любовника. Чужая грязь, невольно плеснувшаяся на меня, корёжит. Заношу номер в чёрный список. Набираю Гену. Меня всё ещё потряхивает, пока вкратце пересказываю ему всё. Прямо вижу, как муж хмурится, как брови сходятся у переносицы.

— Скинь номер в службу безопасности, пусть пробьют, — распоряжается он.

— Так они же явно ошиблись.

— Всё равно.

Спорить с моим мужем бесполезно, да я и не собираюсь — он прав, так будет лучше.

— И ещё, — говорит строго, — сегодня у тебя выходной, а завтра чтобы была в офисе, как штык. А то практику не подпишу.

— Шантажист, — ласково пеняю я.

— Неверный ответ, — хмыкает Гена, — ты должна сказать: «Так точно, босс».

— А больше ничего не должна... — нарочно провоцирую.

— Должна, — голос тяжелеет и хрипнет, — взыщу дома...

Хихикаю. Тревоги отступили. Можно пофантазировать о том, как мы с мужем будем развлекаться прямо в его чопорном кабинете. Давно мечтаю об этом. Только у Гены есть твёрдые разграничения: дома в спальне для нас не существует запретов. Мы попробовали уже многое. И, наверняка, будем пробовать ещё. Но... выходя из спальни, Гена будто превращается в другого человека — чопорного, правильного, безупречного. И на работе не терпит никаких поползновений в сторону романтических отношений... Поэтому когда я пришла в фирму на практику — начался мой персональный ад. Гена гонял меня куда больше других и требовал с меня вдовое... Но я не злюсь на него — он ведь подхватил папину фирму и сделал её одной из ведущих в крае. Гена у меня умница. И, на самом деле, лучший босс на свете. Он и впрямь меня хорошо учит, всё объясняет, старается, чтобы я

вникала в дела фирмы. Когда отец убедил меня поступить на финансиста, невероятно злилась. Моя мечта о веб-дизайне и фрилансе накрылась. Мне тоже придётся тащить скучную офисную лямку. Но сейчас — благодарна отцу и Гене. По крайней мере понимаю, что и как у нас в фирме происходит, как движутся финансовые потоки...

В институте я быстро решаю нужные вопросы и тороплюсь навстречу с мамой. В отличие от меня мама устранилась от дел фирмы. Так и сказала: «Я в этом ничего не понимаю». Отец оставил ей приличное содержание, она ни в чём не нуждалась. Поэтому жила, как многие обеспеченные особы «слегка за сорок» — ходила по выставкам, ездила на курорты, занималась благотворительностью... Вот только мужчин в её жизни больше не было. Хотя — понять, конечно, можно. Разве кто-то будет любить её и ценить так, как папочка? Но... С другой стороны, она у меня ещё красивая и молодая. Не нравится мне, что так хоронит себя. Отец бы этого не хотел. У мамы даже поклонники водились — весьма респектабельные и солидные дяденьки, но она всем им отказывала...

Думаю, если бы у мамы была личная жизнь, она бы меньше заглядывала в мою. Не нанимала бы сыщиков следить за Генкой. Я мужу верю. Он никогда от меня ничего не скрывал. Когда сказала одноклассникам, что буду работать в фирме у мужа, многие округлили глаза. Дашка, моя близкая подруга, даже произнесла тогда с лёгкой завистью: «Это

ведь значит твоему нечего скрывать. А мой всё секретарш меняет»

Гена секретарей не менял. Наоборот, оставил Лидию Кирилловну, которую ещё мой отец нанимал. Мой муж предпочитает профессионалов на работе. Он мне так и говорил. «Всё, что мне нужно, я с лихвой получаю дома от тебя» От таких слов у меня вырастают крылья. Приятно знать, что для любимого мужчины ты — единственная и самая желанная.

В фут-корте мега-молла я появляюсь чуть раньше. Жду маму, оглядываюсь по сторонам. Интересно, почему она пригласила меня сюда? Сто лет не была в подобных местах. Обычно, меня водят куда более статусные и пафосные. А здесь — даже мило. Резвятся детишки, капризничают, кланчат у родителей вкуснышки или игрушки. Смотрю на них с завистью. Мы с Геной решили пока что ребёнка не заводить. Муж считает, что мне сначала нужно закончить учёбу. Он у меня перфекционист, и полагает, что если ты во что-то погружаешься — то с головой: что в учение, что в материнство. Мне сложно спорить с этим, но сложно и смотреть на счастливых мам. Хочу быть такой же!

О, а вон моя мамуля...

Машу ей, но она меня не замечает. Разговаривает с кем-то по телефону, очень резко. Видно, что разговор ей неприятен.

Наконец, видит меня, машет в ответ, вскоре садиться рядом, целует в щёку. Гаджет почему-то кладёт экраном вниз. Странно. Раньше она себя никогда так не вела.

— Что случилось? — спрашиваю взволнованно.

Она качает головой:

— Да рекламщики достали. Заказала косметику в одном онлайн-магазине, а они теперь не отстают. Такие назойливые. Сил уже нет, — устало машет рукой. — Но я здесь не за этим. Ты меня ругала за то, что я наняла детектива...

— Ма, давай не будем. Мы же всё обсудили ещё тогда, — открещиваюсь от неприятной темы.

— Нет, Салюля, будем! — резко отвечает она, лезет в свою сумку и достаёт толстую папку, кидает ко мне и указывает головой: — Полюбуйся!

И я... люблюсь: Гена с другой женщиной, Гена с женщиной и ребёнком — снимков много, и это не фотешоп. Когда я мечтала быть веб-дизайнером, неплохо научилась работать в графических редакторах. Так что подлинник от подделки, даже очень качественной, я бы отличила.

Так вот куда он отлучался! Вот где пропадал, когда я его ждала! Вот его совещания допоздна! Ложь, ложь и снова ложь...

У меня рушится мир.

С грохотом.

На осколки.

Но... я обязательно склею себя, соберу из этих ошмётков. Но стану острой, предатель порежется об меня.

После разговора с мамой, когда я вижу не только анализ

ДНК, но и выписки со счетов Гены, решительно поднимаюсь, целую маму в щёку и спешу в офис к мужу. Разговор у нас будет короткий. И честный. А потом... Я намерена продемонстрировать, что меня не даром зовут Саломеей...

Глава 2

Недаром говорят: надежда умирает последней. Я сижу сейчас в машине, смотрю в окно через пелену слёз и... всё ещё думаю, что увиденное мной — какая-то ошибка. Но фотографии в плотном жёлтом пакете, который вытаскиваю из сумки, едва оказываюсь в салоне, жгут руки. Вновь и вновь пересматриваю их. Подглядываю за чужим счастьем.

Чем она лучше меня? Старше же, толще, проще, что ли. Мне мама спуска никогда не давала — диеты, фитнес, салоны. Говорила, что женщина, особенно, замужняя, не может позволить себе быть лентяйкой. Я видела, как женщины плялились на Гену, если мы где-то появлялись вместе. Просто слюнями капали. Мой муж в своём плотном графике всегда находил место для тренировок — тренажёрный зал, пробежки, единоборства. Из-за этого фигура у него просто идеальная — стройная, в меру накачанная, без лишней жириночки. Волосы у Геннадия за лето становились почти золотыми, так и искрились. Сине-зелёные глаза утопали в длинных ресницах. Наверное, она... — достаю фото соперницы, разглядываю её вновь, — любит его без памяти. Но ведь я тоже.

Гена так добивался меня. Когда мы только поженились — я его ненавидела. Злилась на отца, что он решил за меня. А Генку — к себе не подпускала, измывалась над ним в меру фантазии и насколько позволяло воспитание. Он терпел. Все

мои выходки. Понимал мою истерику. Всё изменилось после покушения.

Я тогда принципиально не хотела ездить на машинах, которые присылали либо папа, либо муж. Ходила на остановку. Срезала между гаражами. Там-то на меня и напали. Лапали, сдирали одежду, лезли с мерзкими слюнявыми поцелуями. Их было пятеро. И я бы точно умерла, если бы они...

Не знаю, откуда появился Генка. Словно с неба свалился. Сцепился с ними. Драка вышла знатная, он их славно отделал, когда прибыли ребята из отцовской службы безопасности — им осталось только собирать урожай: затаскивать горе-наильников в машину и увозить. Гене и самому сильно досталось. Всё-таки их было пятеро. Окровавленный, в порванной одежде, он обнимал меня, заглядывал в лицо и всё спрашивал: как я? На руках отнёс в машину, устроил на заднем сидении и лишь потом — вырубился сам... И тогда я впервые испугалась за него. И потом, сидя у его постели в больнице, вдруг поняла, что он единственный и самый лучший. Что он, не думая ни о чём, кинулся спасать меня. Это тронуло до глубины души. И, рыдая над ним, я отдала своё сердце...

А позже — когда его выписали — мы говорили... говорили... говорили... Признавались друг другу и целовались взахлёб. Никто и никогда не целовал меня так раньше. Будто во мне есть потребность. Будто если не поцелует — рухнет целый мир.

А потом Гена взял меня на руки и отнёс в спальню. Наша первая ночь — я до сих пор вспоминаю её, краснея и улыбаясь. Она была идеальной. Как и каждая последующая. Гена уверял меня каждый раз, что я единственная и неповторимая. Что он любит меня, как никогда и никого раньше...

И теперь, получается, врал. Каждый раз, когда ложился со мной в постель! Целых три года подряд!

А этой женщине, Карине, он тоже говорил, что она единственная? Интересно, как он ей вообще рассказал про меня? Сказал, что будет лучше, если женится на глупой юной дочке босса? И пусть у той право подписи — она ничего не смыслит, а значит, можно будет содержать вторую семью, обеспечивать сына, так, да?

Какой же ты подлец, Геннадий Букреев, оказывается. Ладно, передо мной не стыдно? Перед Кариной? Но Дениска? Он-то чем заслужил? Славный же мальчишка! На тебя, между прочим, похож! Как ты ему — сыну своему — в глаза смотрел? Что плёл по поводу того, почему папа не живёт с ними? Моё разочарование в прежде любимом до чёртиков муже было сейчас колоссальным. Я ведь считала, что лучше него никого нет. Летала рядом с ним...

А теперь? Размазываю слёзы, вытираю их со злостью. Нет. Не буду плакать! Не заслужил!

Подлый лжец! Я заставлю его пожалеть!

На коленях извиняться будет! И передо мной и перед Кариной! Странно, но я не чувствую злости к сопернице. Мне

её искренне жаль. Ведь она — такая же жертва, как и я. Только ещё более уязвимая, так как у неё ребёнок. Почему Генка не женился на ней, когда узнал о беременности? Не хотел обременять себя ребёнком? А может, мама права — и он уже тогда строил далеко идущие планы на мой счёт? Продумал всё, просчитал? Соблазнить восемнадцатилетнюю девочку — много ума не надо. Сыграл в героя, спас от насильников — и вот она твоя! Теперь я начинаю думать, что то нападение было специально подстроено. Уж больно вовремя Геночка оказался в нужном месте. Как потом и служба безопасности.

Именно сегодня, спустя годы, у меня будто пелена падает с глаз и приходит чёткое понимание, что меня развели. Маленькую глупую эмоциональную девочку. Влюбили, привязали, приручили и... сломали. Безжалостно. Лёгким движением руки.

Какой я душой была, что злилась на маму. Если бы не она, так бы и жила в неведении. В иллюзиях.

Останавливаемся возле офиса.

Выхожу из машины, задираю голову, глядя на эту махину из стекла и бетона. Настоящая империя. Отец в буквальном смысле создавал её по кирпичику. Чтобы потом зять тратил эти деньги на свою вторую семью.

Мерзко.

Захожу в холл, подхожу к рецепшн, киваю дежурному.
— Геннадий Иванович у себя?

Парень в форме даёт утвердительный ответ, но тут же предупреждает:

— Но, Саломея Львовна, вы же знаете, как он не любит, когда приходят без предупреждения. Не создавайте мне проблем...

— Не волнуйтесь... — кидаю взгляд на бейджик и едва не давлюсь истеричным смехом: — Денис Геннадьевич, у меня сюрприз. Ему понравится так, что о вас он и не вспомнит.

И подмигиваю, перебиваю в воздухе пальцами с красным маникюром.

Молодой человек трогательно краснеет, бормочет:

— Хорошо, — и поднимает передо мной шлагбаум.

Вхожу в лифт, нажимаю седьмой этаж. Еду и жалею, что эта Карина не работает у нас в фирме. Так было бы проще. Я могла бы их застукать. Но это же Гена — он не может быть так глуп и банален. Его схемы почти всегда тонки и изысканы.

Поэтому придётся заниматься тем, что я так не люблю — выяснять отношения. Особенно, сложно с ним. У него всегда — железная аргументация и умение донести её. А иногда просто заткнуть мне рот поцелуем... Ах, как он целуется — чаще всего агрессивно, жёстко, подчиняя... И я теряюсь в этих поцелуях. Они выбивают все посторонние мысли из головы, остаётся только выгибаться, стонать ему в губы его же имя и умолять не останавливаться... Он настроил моё тело под себя. Научил загораться с одного прикосновения. Пока-

зал высшее удовольствие... Ведь падая с небес в его объятия, я всегда натыкалась на лучистый, полный восторга, взгляд...

Как можно так врать? Даже в постели? Когда обнажены не только тела, но и души? Или, может, душой обнажалась только я.

Выхожу на седьмом этаже.

Его кабинет в конце коридора. И я медлю, оттягивая роковой момент.

Мне нужно собраться с силами. Мне нужно выбраться из кокона очарования, в котором я пребываю до сих пор.

Смело посмотреть в глаза. Спросить главное.

Давай, Саломея. Ты сможешь!

Открываю дверь, вхожу походкой от бедра.

Секретарша дёргается, чтобы остановить меня, но я осаживаю её одним только взглядом.

— У меня дело жизненной важности, — чеканю и толкаю дверь в уже непосредственно в его кабинет.

Сдержанная лаконичная классика. Элегантная строгая мебель. По стать хозяину.

О, сколько раз я уже успела осквернить это святилище своими порочными криками. Когда большой босс Гена раскладывал меня на этом огромном массивном столе... Хочу повторения! Мечтаю просто! Вернее, раньше мечтала. А теперь... Хватит об этих глупостях. Домечталась!

— Мэй? — вскидывает брови Геннадий, отрывая взгляд от монитора.

И нежное интимное обращение больно царапает меня. Мне нравится, как это звучит в его исполнении — низким, бархатным, чуть хриловатым голосом: *Мэй...* Мне всегда хватало, чтобы завестись. Вот и сейчас приходится прогнать непрощенное возбуждение. Как и желание коснуться этого предателя, провести рукой по щеке, тронуть волосы...

— Зачем ты здесь? — встаёт из-за стола, складывает руки на груди. Холодный строгий биг-босс. Такой он тоже заводит меня. — У меня ещё много дел.

— А я быстро, — криво ухмыляюсь и шагаю вперёд, стараясь игнорировать запах его туалетной воды смешанный с дорогим табаком — запах моего мужчины... — Занесла тебе кое-какие бумаги.

— Бумаги? — удивляется он. — Разве я что-то забыл?

— Ага, — хмыкаю я и ныряю рукой в тот самый жёлтый конверт, что судорожно сжимаю в руках, вытаскиваю на свет божий снимки и кладу веером перед ним — сначала фото, потом документы, — сообщить мне вот об этом...

Он бросает взгляд на разложенный перед ним фактаж и... бледнеет...

— Мэй... — прямо слышу, как на его языке крутятся стандартные отмазки: «Ты всё не так поняла!», «Я тебе всё объясню», «Она ничего не значит...» Никогда не думала, что мы дойдём до этого.

Давлю слёзы, заталкиваю в себя крик и произношу почти спокойно:

— За что, любимый?

Смотрю в его глаза, прежде такие родные и полные нежности, и всё ещё не могу поверить, что человек, которого так люблю, предал меня.

— О чём ты?

Противно, что он всё ещё играет: пальцы дрожат, взгляд растерянный, как будто и впрямь не понимает. Только снимки, разбросанные на столе, говорят сами за себя...

Не желаю слушать его оправданий. Не собираюсь прощать. Разворачиваюсь и ухожу.

Я умею быть сильной и не плакать. Научилась после смерти отца. Мы с папой были особенно близки, даже с матерью у меня никогда такого не было. Словно две половинки одной души. И когда он... ушёл, то будто часть меня отмерла. Навсегда. Как такое могло случиться с ним, с моим папочкой? Уже три года я задаю вселенной один и тот же вопрос. Как? Такой большой, сильный, упрямый... Буквально сгорел. И врачи в лучших клиниках мира только разводили руками. Правда, упёртость моего отца помогла ему продержаться до моей свадьбы...

Отлично помню тот день, когда он позвал меня в палату и сказал:

— Саломея, ты выходишь замуж. Я уже всё устроил.

Моё сердце тогда чуть не разорвалось от счастья. Я ведь была влюблена в Рустама по уши. И чувства оказались взаимными. Мы даже поклялись под звёздами всегда быть вме-

сте. Рустам очень трепетно ко мне относился. Он ведь старше, опытнее. Поэтому берёг меня до свадьбы. А мне восемнадцать, гормоны шпарят, любимый мужчина рядом. Я злилась на него, обижалась тогда за это «ни-ни». И вот теперь он, видимо, поговорил с отцом. Рустам — настоящий мужчина.

— Папа. Я так рада! — сжала его ладонь, почувствовала, как влажнеют глаза.

— Правда? — удивлённо переспросил он. — Ты ведь даже не спросила: за кого?

Усмехнулась:

— А разве есть варианты? — счастье распирало меня. — Рустам и я...

— Какой ещё Рустам? — отец наморщил лоб, припоминая.

— Каримов, конечно, — подсказала я, не понимая, как он может не знать.

— А причём здесь Каримов? — отец прямо таки разозлился. — Разве я не говорил тебе, чтобы ты держалась от этого прощелыги подальше?

— Он не прощелыга! — вступилась я.

— Ну, скамер, — фыркнул отец. — Одного другого не лучше.

— Папа, ты как маленький! Скам[1] будет существовать, пока людям будет хотеться быстрых халявных денег. А это будет всегда! — я не видела ничего зазорного в том, чем за-

нимается любимый. — Есть спрос — есть предложение. Разве не так работает бизнес?

— Не так, Саломея, совсем не так. Это — паршиво и гадко. Обман, подлог, аферы всякие. Этому я тебя учил? Не понимаешь что ли, у таких людей — один шаг до криминала. До серьёзного такого. С убийствами. Уж поверь мне.

— Пап, ты утрируешь!

— Нет, дочур, я предупреждаю и убереечь тебя хочу. Думаешь, он с тобой потому, что любит? Да нет, денюжки он твои любит, приданное твоё...

И тут мне доходит — значит, тот за кого он собирается меня отдать — не Рустам?

— За кого же я должна выйти замуж?

— Сейчас узнаешь, — отец потянулся к селектору — даже в палате без работы не мог, — он уже здесь? — бросил в аппарат. — Да, — раздалось с той стороны. — Пусть войдёт.

И он вошёл.

Я так и осталась сидеть с открытым ртом.

Серьёзно? Папин помощник Генка Букреев? Это шутка?

Гена никогда не нравился мне. Даже не так. Я не воспринимала его всерьёз. Обслуживающий персонал, не более. А значит, невидимка. Недостойный моего внимания. К тому же, на фоне яркого и обжигающе красивого Рустама, Гена казался мне блёклым, невзрачным, почти уродливым.

Поэтому я вскочила и заявила, уперев руки в бока и игнорируя то, что отец болен и прикован к постели:

— Ты хочешь сказать, что я должна выйти замуж за него?
— ткнула пальцем в мужчину. — Он же старый! И страшный... И вообще — он же твой работник.

— Ты выйдешь за него! — строго сказал отец. В голосе звенела сталь. Он впервые говорил со мной в таком тоне.

— Ни за что! — закричала я и топнула ногой. — Вы повезёте в ЗАГС мой труп!

Сказала и пулей вылетела прочь. Меня душили эмоции, я давилась слезами и захлёбывалась гневом. Как? Как любимый отец мог со мной так поступить? Почему? За что?

— Саломея Львовна, постойте! — окликнул меня Геннадий Букреев, выскочив следом.

— Уйдите, Геннадий, прошу! — я зажмурилась и замахала на него руками. Чтобы не приближался. Он поднял руки в примиряющем жесте — мол, спокойно. Я тут.

— Давайте всё обсудим, — спокойно проговорил он.

Этот Гена. Он всегда был таким. Спокойным. Ледяным. Без единой эмоции. Словно аппарат какой-то. Его включали в нужное время, и он безупречно выполнял возложенные на него функции. И выглядел так же — идеально отутюженные рубашки, сшитые на заказ костюмы, начищенная до блеска обувь, гладкая причёска. Никогда не видела его взъерошенным или расхлябанным. Всегда собранный, строгий, очень взрослый — аж на двенадцать лет старше меня. Он пугал и отталкивал.

— Нам нечего обсуждать, — помотала головой. — Ухо-

дите.

— Сначала выслушайте меня, а потом прогоняйте, — сказал он с той же сталью в голосе, с какой недавно говорил отец. И я съёжилась. Я не умела возражать взрослым, властным мужчинам. Привыкла жить за их широкими спинами, не думая ни о чём.

— Хорошо, — кивнула, судорожно сглотнув.

— Я не стану вас щадить и скажу прямо: вашему отцу осталось недолго. Да что там — он держится на чистом упрямстве. На заботе о вас. Потому что пока не решил, кому верить свою фирму. Поэтому мы с ним всё обсудили. Если я стану членом вашей семьи, никто в совете директоров не станет возражать, против моей кандидатуры на poste генерального. А вы — останетесь главным держателем активов с правом подписи. Поймите, мы с вашим отцом очень долго всё выстраивали. Нельзя запустить в это дело других. Нельзя позволить, чтобы всё рухнуло из-за капризов одной девочки.

— Из-за капризов! — я сжала кулаки. — Где вам, бесчувственному, понять, что в восемнадцать лет капризы — это нормально. Эмоции — это нормально. Желание быть любимой — то же.

Тогда я, наверное, впервые расплакалась перед ним.

Он молча вынул платок и протянул мне.

— Не усугубляйте всё, — пожурил строго, вместо поддержки. — Если хотите, можем потом развестись. Я же оста-

нужь вашим помощником, пока вы сами не сможете возглавить фирму.

Вытерла слёзы и кивнула. Его железная логика начинала прогибать меня.

— Хорошо. Только запомните это.

— Конечно, — согласился он. И я уже было рванула в сторону, когда Гена схватил меня за руку и посмотрел прямо в глаза: — И почему вы решили, что не будете желанной и любимой?

— Потому что вряд ли вы способны на подобное...

— А вы проверьте.

То был вызов. Я его приняла.

Отец успел устроить мне роскошную свадьбу и буквально через два дня умер. А Гена... не собирался со мной разводиться, как обещал. Впрочем, очень скоро я и сама уже не хотела развода... Но теперь я понимаю все его мотивы, настоящие, а не те, что он лил мне в уши. И даже скоропостижная смерть отца принимает другой — более зловещий — окрас. Теперь мне кажется, всё было неспроста. Продумано и просчитано заранее. Недаром мама так плакала на свадьбе. Недаром поругалась с отцом из-за Гены. Материнское сердце не обмануть... Она чуяла, какому опасному продуманному чудовищу в лапы меня отдали.

Накатывает запоздалый страх. Три года я жила с лживым монстром, с тонким лицемером, слишком умным, чтобы я

могла поймать и разоблачить его. Спасибо мамочке. Незвестно, что было бы дальше. Вдруг — моя смерть.

Ёжусь, хотя в салоне машины тепло. Смотрю за окно. Теперь уже без слёз. Чётко понимая, что надо делать — развиться и выдирать его из своей жизни. Навсегда.

Мои размышления прерывает сообщение в мессенджере: «Не смей ехать к матери. Это опасно!»

Да пошёл ты! Вот почему всё это время он настраивал меня против мамы. Пазл теперь собирается. Бросаю в чёрный список. Баню везде, где можно. Не хочу слышать!

Раздаётся звонок. Номер неизвестен, хотя я знаю, кто звонит.

— Гена, — говорю, всё-таки снимая трубку, — не звони мне больше! Не хочу... Ничего от тебя не хочу!

— Мэй, не дури! — требует он. — Ты не позволила мне ничего объяснить. — Голос срывается, Гена явно взволнован. — Мэй, всё не так...

— Ген, прошу! Ты же умница! Гений! Не скатывайся в банальщину! А то получается, как в дурном анекдоте.

— Хуже, Мэй, куда хуже... Она это специально.

— Ой, всё! Так и знала, что переведёшь стрелки на маму. Не смей! Слышишь, не смей забирать у меня последнего родного человека. И не звони мне. Всё.

Отбиваю вызов. Меня колотит мелкой дрожью. Хочется одновременно плакать и убивать. В душе ещё всё дрожит и тянется к нему. Глупая надежда требует выслушать, дать

шанс. Но я душу её, затыкаю ей рот. Нет! Боли и так слишком много. Не хочу ещё больше, иначе просто не выдержу...

К родительскому дому подъезжаю в полном раздрае. Но когда массивные ворота закрываются — вздыхаю с облегчением. Словно материнские объятия смыкаются за спиной. И ничего больше не страшно. Мама спасёт и уберёжёт от всех монстров мира.

Она встречает меня на пороге, обнимает, прижимает к себе.

— Не плачь, девочка, — гладит по спине, — он не стоит твоих слёз. Ни одной слезинки.

— Мама, почему? Почему?

— Потому что люди бывают подлыми, малыш. Бесцеремонными. Беспринципными.

— Как отец мог так доверять ему?

Мама горько хмыкает:

— Ты знаешь, каким очаровательным бывает Гена. Как он умеет убеждать, — мама ерошит мне волосы. — Идём, девочка. Напьемся и забудем этого уroda. Я уже подключила лучших адвокатов. Букреев не получит от нас и копейки. Уйдёт с тем, с чем пришёл — то есть, с голой задницей. А то ишь — королём себя возомнил. За чужой счёт.

Мы обнимаемся и идём на кухню. Мама достаёт из шкафчика вино, разливает по бокалам. Давненько мы с ней не сидели вот так. Как мать и дочь.

— За свободу! — говорю я.

Чокаемся.

Мама цитирует:

— Пусть плачут те, кому мы не достались! Пусть сдохнут те, кто нас не захотел!

Усмехаюсь:

— Воистину.

Мы пригубливаем ещё по глотку.

И тут у мамы звонит телефон. Она хватает гаджет немного нервно, подносит к уху и как-то слишком агрессивно произносит:

— Алло. Да. Поняла. Не пускайте его. Если что — вызывайте полицию.

— Что там такое?

— Генка... Примчался следом за тобой. Дерётся с охранниками...

— Генка? Сейчас?

Это странно, потому что для Гены не было ничего важнее работы. Мир мог рухнуть, а он сидел бы в офисе и постоянно обсуждал бы что-то по телефону...

— Они ведь не пропустят его?

— Не волнуйся, девочка, не пропустят. Этот дом — настоящая крепость. Он должен был знать.

Именно. Тем страннее и безумнее его поступок. А странные безумные поступки — не в характере Гены. И часть моей души снова рвётся к нему. Он там подрался. Возможно, ранен. Может, ему нужна помощь?

— Не думай о нём, малыш, — мама хлопает меня по руке. — Мне тут звонил Рустам. Спрашивал о тебе. И знаешь что... Сходи с ним на свидание. Помнишь же — клин клином.

Да, клин клином. Я попробую. Может, и впрямь получится начать всё с чистого листа.

С такими мыслями иду в свою комнату, падаю на кровать и пялюсь в потолок.

Я дома.

Больше ничего плохого со мной не случится...

[1] От английского *scam* — афера, мошенничество. Чаще всего — в интернете или с помощью средств коммуникации.

Глава 3

Кручусь перед зеркалом, волнуюсь, меняю уже третий наряд. Мне ничего не нравится. Рустам запомнил меня юной непосредственной девочкой восемнадцати лет от роду. А теперь... Мне двадцать один, но я чувствую себя очень старой. Не могу вернуть былую беспечность и прежний лучистый взгляд...

Та Саломея безвозвратно умерла. А эта? Примет ли он эту? Повзрослевшую, познавшую другого мужчину?

В итоге выбираю довольно простую одежду — тёмные кожаные шорты, трикотажную обтягивающую кофточку с вырезом и коротким рукавом и лёгкие летние ботиночки из перфорированной кожи. Макияж тоже выбираю нейтральный. Волосы распускаю и перекидываю на одно плечо. Вот, хорошо. Выгляжу юной и беспечной, почти как раньше.

Спускаюсь вниз, застаю маму разговаривающей с кем-то по телефону. Раньше она чаще расставалась со своим гаджетом, а теперь — из рук не выпускает. Хмурится, спорит, повышает голос, ругается. И это — моя мама? Обычно такая нежная, женственная, культурная? Что происходит? Вижу, как она проходит на кухню — у нас свободная планировка, и гостиная соединена с кухней — и достаёт из-за вытяжки пачку сигарет. Серьёзно?

Торопливо спускаюсь вниз, влетаю следом. Она курит,

сбивая пепел в хрустальную креманку.

— Да заебали уже! Когда угомоняться! — кричит она в трубку и затягивается.

— Мам? — окликаю её неуверенно, потому что... кто эта женщина? И куда она дела мою нежную маму?

Она оборачивается, красивые губы кривит нервная ухмылка:

— Саленька... — торопливо и как-то воровато отбивает звонок.

— Мам, ты куришь? — подхожу ближе, отбираю сигарету, выбрасываю в урну. — И давно?

— Саль, детка, я начала, когда умер Лёва. У меня не хватило сил пережить такую потерю. Ты же знаешь, как я любила его, — её глаза влажнеют, хрупкие плечи сутулятся, она начинает плакать.

Подхожу ближе, обнимаю:

— Прости, мамуль, пожалуйста.

В конце концов, у меня был Генка, а у неё? Одна с таким горем! Ещё и меня поддерживала.

— Я не сужу тебя, — глажу по спине, — всё хорошо. Только ты не много кури, не хочу ещё и тебя потерять. Не смогу просто...

Мы обнимаемся и несколько минут просто молчим. Потом мама вскидывает голову, утирает слёзы и осматривает меня.

— На свидание? — уточняет.

— Угу, — киваю я.

— Постой, у меня для тебя есть подарок. Так сказать — в новую жизнь...

Отлипает от меня, идёт в гостиную, шарит в одной из своих сумочек, для которых у неё — отдельный шкаф.

Возвращается и протягивает мне флакончик:

— Вот.

— Что это? — рассматриваю с удивлением красивую винтажную баночку.

— Духи, особенные, называются «Ведьмовское зелье», понюхай.

Отверчиваю, принимаю... да, мой аромат — нежный, тонкий, но при этом — манящий, чарующий.

— Ммм... — тяну я. — Спасибо.

— Воспользуйся... Ну же...

Пышикаюсь — немного за уши, на запястья и в декольте. Сама же балдею от запаха.

— Ну, давай, милая, с богом! — улыбается мама и чуть подталкивает меня к выходу.

Выпархиваю из дома, сажусь в машину. Привычно забираюсь на заднее сидение, но перегородку не понимаю сегодня. Погружаюсь в соцсети, кручу ленту, проглядываю новости. Снова жалуются на мошенников, которые вынудили старушку перевести свои «гробовые» на левый счёт. И радуюсь, что Рустам легализовал свой бизнес — теперь у него под началом парочка казино с ночными клубами. Всё официально,

даже налоги платит. Всё-таки отец был прав: скам — неприятная штука. Лучше уж так, через казино. Впрочем, я никогда не была азартной и мне не понять. Но если у людей есть такая потребность, то почему бы не дать им возможность её удовлетворить...

Мои размышления прерывает хриплый голос водителя — обычно обслуга с нами не разговаривает. А мы с ней. Моя домработница — больше чем просто персонал. Поэтому — там другое. А тут — водила, имени которого я не знаю, тормозит на полпути, прижимается к тротуару и говорит:

— Саломея Львовна, выйдите, пожалуйста, из машины...

— Что происходит? — ловлю его взгляд в зеркале заднего вида — глаза шалые, зрачки расширены.

— Ваши духи... Быстрее... Иначе я за себя не ручаюсь...

Духи, значит... Ведьминское зелье? И тут доходит, в них — афродизиак! Мама, наверняка, хотела, как лучше. Так сказать, простимулировать нас с Рустамом, подстегнуть... А я, походу, перебощила с дозой.

Оглядываюсь по сторонам — на углу гипермаркет. В таких есть туалеты. Нужно срочно умыться, а Рустамом мы как-нибудь сами разберёмся.

Добегаю до огромного магазина, ныряю внутрь, быстро нахожу нужные значки. Захожу, кидаюсь к раковине и интенсивно себя драю, пытаюсь вымыть этот сладкий соблазняющий запах...

Не обращаю внимания на то, что хлопает дверь — я в это

время драю лицо, потому что тушь, хоть и водостойкая, но от геля для мытья размазалась... И тут меня грубо хватают за плечо.

Передо мной — трое громил: двое — бритые под ноль, третий — огромный, перекачанный, бородатый. Глаза чёрные, прожигают насквозь.

— Что ж ты, девочка, серьёзных дядей игноришь? — ба-сит он обманчиво-ласково. — Нехорошо, малышка...

— Я не понимаю, о чём вы...

— Всё-то ты понимаешь — я звонил тебе вчера. Ты ска-зала — номером ошибся. Только я, милая, никогда не оши-баюсь...

— Но я не знаю вас, — машу головой. — Впервые вижу.

— Да, а вот ёбарь твой хорошо знает. И что денег мне должен много — тоже. — Оборачивается к своим бритого-ловым подельникам и командует: — Ставьте камеру, братья. Будем кино снимать.

И снова уставляется на меня, ехидно и плотоядно улыба-ясь...

Меня не оставляет ощущение, что я — на съёмках фильма или в эпицентре дурного розыгрыша.

— Стойте! — вскидываю руки в жалкой попытке остано-вить этого борова. — Всё это — дикое недоразумение. Я — замужняя женщина, мой муж — уважаемый бизнесмен Ген-надий Букреев. Он не имеет дел с такими, как вы...

Бандюги переглядываются, что-то тихо говорят друг дру-

гу, кивают.

— Так речь и не о муже. Конечно, мы знаем этого святошу Геночку. Мы хотим простимулировать любовничка твоего...

— Лю... — заикаюсь я... — бовничка? — заканчиваю с трудом. Из-за удивления и шока мысли путаются, а слова не складываются в логическую цепочку. — Но у меня нет любви...

Договорить не успеваю — дверь слетает с петель от удара ногой. В проёме — злющий и включенный Павел Костёр, глава отцовской службы безопасности, бывший спецназовец, громила под два метра ростом. За ним маячат такие же шкафчики — его ребята.

Бандиты переглядываются. Они тоже немаленькие, и у них есть оружие — я видела. Но... проблем явно никто не хочет.

Выбиватели долга поднимают руки:

— Братцы, давайте разойдёмся по-тихому? — говорит их бородатый главарь.

Павел кивает и командует:

— Валите отсюда, быстро...

Его парни отступают, бандюки, подхватив штатив и камеру, бочком-бочком утекают прочь...

И вот тут меня начинает колотить.

Павел снимает пиджак, кидает мне на плечи. Я тону в нём, он приобнимает меня и выводит в коридор. Идём мимо официанток, которые не могли сделать свои дела из-за того,

что в женский туалет вломилось столько больших и страшных мужиков.

По дороге Костёр отчитывается:

— Витя, ваш водитель, вовремя позвонил. Сообщил, что вам стало плохо, вы вышли в туалет, но вас долго нет. Хорошо, что мы были поблизости.

Хорошо? Да вы, наверняка, следовали за мной по пятам! И я даже знаю, кто дал такое распоряжение! Хочется проорать это ему в лицо. Но вместо этого просто киваю на каждое слово и бормочу:

— Хорошо-хорошо-хорошо...

Уже возле машины мы останавливаемся, и безопасник заглядывает мне в лицо:

— Вы в порядке, Саломея Львовна?

— Ни черта, — машу головой. — Я до сих пор в ужасе.

— Понял-принял, — чеканит Костёр. Открывает дверь на заднее сидение, помогает мне сесть, сам садится рядом.

— Вить, в дом Капровых.

— Есть.

Наша машина трогается, я смотрю перед собой и не могу ни о чём думать, в голове сумбур и каша. А ещё — предчувствие. Дурное, гнетущее, вытягивающее душу. Такое было перед смертью папы. Предошущение большой беды.

Когда-то дом Льва Капрова действительно был крепостью, а я — принцессой в этой крепости. Всегда защищённой и беспечной. Меня не могли зажать отморозки в туалете — та-

кое существовало в параллельной реальности. Как же могло случиться так, что всё поменялось? В мой спокойный, тихий, устроенный мир богатой девочки...вторглось это? И ответ приходит сам: когда умер папа. Так и начинается падение империй: сначала свергают царя, потом — по кирпичику — разбирают его дворец.

— Саломея Львовна, — Костёр осторожно трогает меня за руку, — мы прибыли. Какие будут дальнейшие указания?

— Разве Геннадий Иванович не дал вам их?

— Дал, но...

Я понимаю колебания этого верного вояки — Павел Костёр «присягал на верность» моему отцу, а не Гене. И незадолго до смерти поклялся защищать меня ценой своей жизни. Мой отец когда-то спас его и его семью, и Павел, как честный человек, платил за это безграничной преданностью. Поэтому для него мои указания важнее Гениных. Однако — интуиция подсказывает — что муж в своей манере позаботился обо мне... А значит.

— Выполняйте то, что велел Геннадий Иванович.

— Есть выполнять, — козыряет безопасник и помогает мне выйти из машины.

Бегу в дом, где на крыльце меня уже встречает мама.

— Саленька... Девочка... Как же так? — обнимает меня. Я утыкаюсь ей в плечо и даю волю слезам. Мама заводит меня в гостиную, усаживает за барную стойку, которая отделяет комнату от кухни и сама бежит делать мне чай.

Меня бьёт дрожь и поздний откат. Как же мерзко было то, что происходило сегодня. За всю мою жизнь мужчины, окружавшие меня, относились ко мне с трепетом, берегли и лелеяли. Я впервые столкнулась с неприкрытой мужской агрессией и испугалась до чёртиков...

Кто бы знал, как мне сейчас хотелось к Гене — большому, сильному, надёжному. С ним всегда была уверенность, что никакие беды мира не коснутся меня. Они просто разобьются о каменную глыбу — моего мужа, как волны бьются об утёс...

Рука сама тянется в сумочку за телефоном.

Плевать на всё. Я готова простить даже измену. Принять его сына. Пусть... Лишь бы он был рядом. И это чувство защищённости, к которому я так привыкла. Только сейчас понимаю, почему мужа и жену называют половинками. Действительно, чувствую себя сейчас ополовиненной и слабой. Немошной. Одинокой...

Мама ставит чай:

— Тише, малыш, уже всё в порядке.

Мотаю головой:

— Ни черта не в порядке, мам... — и скулю, как побитая собака, — не могу без него...

Понимаю, что в плаче моё лицо некрасиво кривится, но мне сейчас не перед кем красоваться...

— Сэлли, детка! — раздаётся сзади.

Или есть перед кем? Ведь таким именем меня называл

только один человек. Обращиваюсь и... залипаю. За эти три года Рустам возмужал, повзрослел, сейчас его щёки покрывает лёгкая щетина. Его не портит. Только делает ещё красивее. Я и забыла, как он хорош. Яркая, харизматичная, восточная внешность...

Сползаю со стула, кидаюсь к нему. Мне сейчас нужно в мужские объятия. Нужно спрятаться, нужно быть беззащитной, чтобы мужчина встал между мной и действительностью, как щит.

Рустам обнимает меня одной рукой, прижимает к каменной груди, гладит по спине. В другой — сжимает букет пионов. Белых и розовых. Зефирных. Моих любимых. Он помнит, какие цветы я люблю. Как трогательно. Он прибежал ко мне сам, узнав, что я чуть не пострадала. А Гена — нет. И это больно царапает по и так раненной душе.

Пионы пахнут одуряще сладко, приторно, забиваются в нос. К горлу подступает тошнота. Закрываю рот рукой, выскальзываю из его объятий и опрометью мчусь в туалет. Едва склоняюсь над унитазом — как меня выворачивает наизнанку. Сознание мечется, отыскивая причину... Чёрт. Похоже у моей тошноты тот же корень, что и у задержки. Уже на три недели.

Нет...Нет... Почему сейчас?

Вместо радости, которую испытывает женщина, почувствовав подобные симптомы, меня охватывает отчаяние.

Кое-как встаю и дотягиваюсь до аптечки. Как раз здесь, на первом этаже, в туалетной комнате у нас хранилась основная масса лекарств. Для них — специальный шкаф, который мы называли аптечкой. С тех пор, как мне исполнилось восемнадцать, мама всегда держит тут тесты.

Достаю один из них, торопливо вскрываю, использую, жду, считая секунды. И... боясь узнать результат.

Реальность не щадит меня — конечно же, две полоски.

— Чёрт! — шарахаю продолговатую белую штучку об стену. Я же принимала эти дурацкие таблетки. Так почему? Может, ошибка? Пробую ещё один, потом ещё... Результат тоже.

С тихим воем сползаю на кафельный пол, лохмачу пальцами волосы. Что мне делать теперь? Что делать?

В памяти всплывает недавний разговор с Геной. Мы лежим на кровати после бурной страсти. Отголоски яркого оргазма ещё звенят в организме, наполняя каждую клеточку счастьем.

— Генка, — веду пальцем по мускулистой груди, очерчиваю чёткий рельеф мышц, пересчитываю кубики пресса, — я так тебя люблю...

— Спорим, я сильнее, Мэй? — он переворачивает меня и нависает. Я вижу, как сияют глаза в опушке длинных ресниц — словно драгоценные камни в бархате.

— А вот не буду спорить, — заявляю я, вскидываю руки, обнимаю сильную шею и говорю: — лучше докажу.

— Интересно — как? — он вскидывает бровь. Люблю эту — чуть ехидную — мимику у него.

Улыбаюсь, легко чмокаю в губы и торжественно объявляю:

— Рожу тебе ребёнка.

Гена напрягается и отстраняется:

— Малыш, мы много раз говорили с тобой на эту тему. Тебе сначала надо доучиться.

— Глупости, Ген! — поднимаюсь и сажусь, не стесняясь своей наготы. Не перед мужем же, который видел меня везде. — У нас полно девчонок в группе, которые уже родили, и даже академ мало кто брал.

— Не думаю, что это нормальная учёба с младенцем на руках.

Господи, да я же не стремлюсь к красному диплому, в отличие от некоторых! И глобальных достижений в своей сфере не собираюсь добиваться. Всё равно буду работать в нашей же фирме, под его, Генкиным, началом. Он у нас главный, он всё вырулит, а я — лишь исполнитель.

— Ты так не хочешь детей от меня? — хлопаю ресницами, понимая, что начинает щипать глаза.

— Ну что ты, маленькая, — нежно воркует он, проводя согнутым пальцем по моей щеке. — Хочу! Очень! Мечтаю об этом! Ты же знаешь, я — детдомовский, твой отец показал мне, что такое — счастливая семья. Вот и я хочу так же. И деток, по крайней мере, троих. Но тебе пока рановато, ми-

лая...

Он всегда и всё решает за меня. Даже это.

Злюсь, фыркаю, сдёргиваю покрывало и встаю с кровати. Заматываюсь и разворачиваюсь к двери.

— Куда собралась? — меня перехватывают, сильные руки смыкаются на талии, припечатывают к каменной груди.

— Подальше от тебя, на диван...

— А разве я тебя отпускал? — он снова поднимает бровь.

— А разве я должна спрашивать? — шиплю, вырываясь.

Но силы неравны — меня отрывают от пола, как пушинку, тащат обратно, швыряют на мягкий матрас. Следом — он прогибается под сильным телом.

— Ты никуда не пойдёшь, — рычит муж в ухо. — Будешь здесь, со мной, всегда... Никаких диванов! — как быстро он переключает режим с внимательного влюбленного на бездушного тирана. Даже дух захватывает!

— Я сама буду решать... — начинаю, но не договариваю, потому что мне затыкают рот самым бесцеремонным способом. При этом Гена перехватывает мои запястья и впечатывает в простыню. Извиваюсь, злюсь, кусаю его...

— Ах ты! — взрывается он и набрасывается на меня с ещё большей яростью.

Близость у нас случается особенно бурная. После чего я, довольная и счастливая, умиротворённая и удовлетворённая, засыпаю в его объятиях. Сама же тяну под щёку его ладонь и устраиваюсь на ней. Мне хорошо. Всегда было хоро-

шо. А ещё я верю, что совсем скоро Гена сдастся и наш дом наполнится детскими голосами...

Воспоминание такое яркое, осязаемое, запечатлённое в памяти. И теперь — приобретающее другой окрас.

Вот почему он не хотел детей от тебя. У него уже был ребёнок!

Предатель... Лжец... Гад...

Нет уж — о моём малыше он не узнает, раз не хотел его. Кроха будет только моим. Капровым! Даже отчество ему дам по своему отцу, пусть Гена утрётся.

Поднимаюсь, сжимаю в руке один из тестов, будто нож, и выхожу в гостиную. Только теперь понимаю — пока меня не было, ни мама, ни Рустам не поинтересовались — что со мной. Интересно, чем они таким были заняты, что проигнорировали моё плохое самочувствие.

Иду в сторону кухни и застаю картину маслом — букет пионов валяется на полу, весь растрёпанный и опавший, а мама с Рустамом ссорятся — с истерикой, слезами, битой посудой и матами...

И, кажется, я прихожу на самую интересную часть этого домашнего спектакля...

Глава 4

— Беременность сыграет нам только на руку в этом деле. Это как раз выгодно, — говорит адвокат Меланья Брониславовна, мамина подруга. Она каждую свою реплику помечает в блокноте, потом подчёркивает и обводит.

Меня это немного бесит.

Впрочем, меня теперь всё бесит — стою, смотрю в одно и едва удерживаюсь от того, чтобы не начать грызть ногти.

За последние пару дней слова «выгода» набило мне оскомину. Все только и говорят о ней, и никто — о чувствах, о том, что я переживаю, через что прохожу.

А у меня — стоит закрыть глаза — та некрасивая сцена на кухне. Осколки посуды, растрёпанный букет, мамины слёзы... Рустам тогда пулей пролетел мимо меня, что-то бормоча на своём... А мама... Она так толком ничего и не объяснила: «Тебе лучше держаться от него подальше. Он очень разочаровал меня» Я хотела ей возразить: мол, сама же к нему и толкала, но мама лишь вскинула руку, оборвав мои возмущения: «Не хочу о нём говорить. Нам сейчас главное сосредоточится на деле...»

Да, мама теперь так и называет мой грядущий развод — *наше дело*. Но гораздо больше её, конечно же, волнует раздел.

Мы с матерью никогда не были особенно близки. Я всегда

росла папиной дочкой. А мама — она словно прилагалась к папе. Вернее, он любил её, поэтому приходилось любить и мне. Я стыдилась того, что отношусь подобным образом к родной матери, но... Она тоже особенно не искала сближения со мной. По-настоящему родными мы стали после смерти отца. Когда он ушёл — стали жаться к друг дружке, как испуганные котята. И вот теперь эта ситуация с Рустамом... Она снова проложила пропасть между нами. Заполнила пространство холодом.

Даже весть о моей беременности мама восприняла холодно, только и заметила:

— Гене пока не говорили.

Будто я собиралась.

А буквально на следующий день в нашем доме появилась Меланья Брониславовна — невысокая, ушлая, с короткой стрижкой и паршивым маникюром. Она не нравилась мне. И эта её дурацкая привычка качать туфлю на ноге. В ней было что-то от пронырливой базарной торговки, которая внезапно забралась высоко и теперь строила из себя важную персону. Не выношу таких выскочек.

И вот теперь она вновь сидит на диване, качает туфлю, обводит свои же реплики в блокноте.

Мама суетится, готовит чай.

А я тихо бешусь. Наконец, отвожу взгляд от окна, за которым льёт дождь, заштриховывая мою реальность серым, и говорю:

— Вы уверены, что выгорит?

Просто я знаю юристов, которые работают в нашей фирме — то есть, сейчас, фактически, на Гену. Это — настоящие акулы. Они перекусывали и не таких, как эта Меланья. Я уважаю наш юротдел, и совсем не уважаю женщину, которая собирается представлять мои интересы.

— Конечно! Ведь ты там главная. Тем более, ты беременна, а он — предал тебя, да и общее дело — тоже. Деньги на своего отпрыска он откуда брал? Из общей казны, так?

Я не знаю. Видела лишь суммы в выписках, а вот с каких счетов — не разобрала. Но сейчас — сомневаюсь, притом — сильно. Геннадий щепетилен в финансовых вопросах. Вряд ли бы он допустил такой простой и очевидный ляп.

Качаю головой.

Мама ставит чай на журнальный столик:

— Саленька, детка, не волнуйся. Совет директоров был, в большинстве, против назначения твоего Букреева генеральным.

Она произносит *твоего* с таким пренебрежением, словно я — соучастница и сообщница его деяний.

Хмыкаю и отвожу взгляд.

— Это было три года назад.

— И что? — фыркает мама, нервно закидывая прядку за ухо. — Ты думаешь, что-то изменилось?

— Всё изменилось, мамуль, — устало и сухо констатирую я. — Они увидели Гену в работе. А он — профи высшей

марки, глупо отрицать. В совете директоров не дураки. И семейным дразгам, в которые мы собираемся их всех вмешать, они предпочтут холодный и взвешенный деловой подход Гены.

— Ты, вообще, на чьей стороне? — возмущается мама. — Я же для тебя стараюсь?

— Для меня? Ой ли!

— Так-так, девочки, не соримся, не соримся! — стучит ручкой по столу Меланья Брониславовна. — Я считаю, что Саломея права. Возможно, мне стоит лучше изучить материалы дела... Спешить не стоит.

Она встаёт с дивана, собирает свои вещи, спешно прощается и семенит к двери. Косолапит. Вот почему одна туфля у неё сильнее растоптана и болтается на ноге.

Когда дверь за ней закрывается, оборачиваюсь к маме:

— Где ты её вообще откопала?

— Да в одном салоне познакомились. Она туда приносила буклеты корейской косметики. Мы разговорились. Так и выяснилось, что она — адвокат. Мне никогда не приходилось видеть её в профессиональной сфере. Вот и обратилась к ней. У нас с тобой сейчас... не очень хорошо с деньгами. Мы не можем позволить себе дорогого адвоката.

Последнее я пропускаю мимо ушей, хватаюсь за предыдущее:

— Мам, я помню папино завещание. И помню, сколько он оставил тебе. Куда ты дела столько денег? — смотрю на

неё в упор.

Мама тушует, опускает голову и начинает мять края одежды...

— Идём, — всё-таки отмирает и тянет меня к дивану. — Нам лучше присесть.

Подчиняюсь, сажусь рядом.

— Ну и? — вскидываю бровь в Генкиной манере. Ага, переопылилась за три года. Как оказалось — основательно. Кладу ладонь на свой живот, инстинктивно закрывая живот. Оберегая его.

— Я делала это для тебя, — наконец выпаливает мама. — Да, только чтобы помочь тебе!

— Каким это образом? — я посмотрела на неё с недоумением.

— Я ведь знала, как вы с Рустамом любите друг друга. У меня даже истерика случилась, когда отец сказал, что отдаёт тебя Гене. Как можно? Разорвать влюблённых, такую связь! Рустаму тогда нечего было противопоставить — Лёва считал его мошенником. Ну, ты знаешь...

Хлопаю глазами:

— Причём тут Рустам? О чём ты вообще?

— Я рассказываю тебе, как всё было, с самого начала... — почему-то злится и пылит она. — Рустаму нужны были деньги, чтобы подняться, чтобы начать нормальный бизнес... И он хотел взять их у твоего отца. Но... не успел. Поэтому, когда Лёва умер, царство ему небесное, — она складывает ру-

ки в молитвенном жесте, — а я получила возможность распоряжаться своим наследством, то я отдала деньги Рустаму. Хотела, чтобы он стал респектабельным.

— Зачем? — всё ещё не понимаю я.

— Затем, что уже тогда не доверяла твоему Геночке! — резко говорит она. — Только Лев меня и слушать не хотел, а потом и ты. А я всё время мечтала, что ты уйдёшь от этого... навязанного недомужа к нормальному мужику! И, как видишь, мои предположения оказались верны.

— Так значит тогда вы с Рустамом...

— ... поспорили из-за денег. Я ведь ему ссудила нужную сумму, а не подарила. А отдавать он не спешит.

— Мам... — фыркаю я... — И этого его ты называла «О, боже, каким мужчиной»?

Мама усмехается:

— Я же сказала тебя, что очень разочаровалась в нём...

— Это хорошо, — киваю, — я ведь говорила тебе, что не хочу никаких отношений.

— Вот и правильно, — успокаивается мама и похлопывает меня по руке, — сами справимся...

Но мой мозг лихорадочно подбирает кусочки пазлов, составляя картинку.

— Мама, те уроды, что недавно зажимали меня в туалете... — голос дрожит и срывается, когда вспоминаю тот ужас, — они... они говорили о каком-то любовнике и его долге. Но у меня никогда не было любовника, ты же знаешь.

Значит...

— Саломея, — строго произносит она, — не придумывай глупостей! Единственный мужчина в моей жизни — твой отец. И я не собираюсь это менять даже после его смерти. К тому же, Рустам куда моложе меня, и ты была влюблена в него. Было бы отвратительно, если бы случилось то, о чём ты подумала...

Боже, как стыдно! Я чуть не заподозрила маму в... Нет, не в измене — она ведь вдова, к тому же, для своих лет — весьма хороша собой, подтянутая, стройная, почти без морщин. Я была бы не против, если бы у неё были отношения. Маме очень плохо одной, без мужчины, я же вижу. И даже то, что у неё появился бы возлюбленный, моложе неё, меня бы не смутило. Я современная женщина, такие предрассудки, как разница в возрасте, не смущают меня.

Внутренний голос ехидничает: «А что же ты обзывала стариком Гену?» Затыкаю его, сжимаю мамину ладонь.

— А вот тебе надо отношения, — говорю я. — Ты же у нас — нежная фиалочка, за тобой нужно ухаживать. — Подаюсь ближе, кладу голову на плечо. — И прости, что подумала гадости...

Мама усмехается:

— Да любой бы чёрте что подумал, когда увидел бы нас в тот момент. Просто я разозлилась. Он ведь заявил, что ничего возвращать мне не собирается, потому что *ваша семья мне должна...*

— Так и сказал?

— Да, именно так и сказал...

— Вот же... — слов не находится, вернее они теряются и становятся неважными. — Мам... если всё, как ты говоришь, это плохо...

— Почему? — удивляется она.

Но я замолкаю, неготовая озвучить свои догадки. Потому что пока что всё только на уровне домыслов и интуиции. Которая просто кричит мне: «Есть кто-то ещё!»

Разговор с мамой вымотал меня, поэтому лежу теперь и смотрю в потолок. Меня раздражают противоречивые чувства: стыдно, что подозревала родную мать не пойми в чём, страшно, что не знаем врага, обидно, что любимый бросил, когда больше всего нужен...

Всё это — дикий коктейль, мешающий рассуждать здраво.

По большому счёту мне нужно обсудить всё с Геной — трезво, без эмоций. У нас теперь будет ребёнок, на которого у него тоже есть права. И есть мальчик Дениска. Он так же имеет право знать о своих братике или сестричке, взаимодействовать с ними. А значит, придётся сесть за *стол переговоров* не только с мужем, но и с этой его Кариной.

Да, есть ещё одно чувство, очень глубокое и беспокоящее меня сильнее других, — ужас перед предстоящим разводом. Гена так тонко добивался меня, что буквально вшил меня в

себя — по венам, по нервам, — прочными стежками. И теперь мне без него даже дышать трудно. Сердце выстукивает ритм: «Гена-Гена-Гена»... Очень тоскливо, до внутреннего воя. Как я теперь без него?

Память усиленно подбрасывает воспоминания из прошлого. Те, где нам хорошо.

Вот мы гуляем в парке...

— Что ты будешь — мороженное или сладкую вату? — а у самого глаза лукавые, искристые.

— И то, и другое.

— Совсем засахаришься.

— Ну, ты же любишь сладкое?

— Нет, я люблю тебя...

И поцелуй — упоительный, жаркий, такой, будто этот мужчина вечно голоден по мне. Держит крепко, целует, будто подчиняет. И я отдаюсь в его власть добровольно, капитулирую, таю...

Вот мы греем бока на пляже.

— Помажь мне спинку кремом? — в этот раз лукавством сочусь я.

— Думаешь, на спинке мы остановимся? — включается в игру он.

— Ну... тут же люди?

Изогнутая бровь:

— И?

— Неприлично же.

— Эй, о чём ты подумала. Я вообще-то собирался намазать тебе ещё шею и плечи...

В гада летит надувной утёнок, на котором я ещё недавно плавала...

Листаю воспоминания, словно ленту в соцсетях, и тихо плачу. Мы так любили друг друга. Понимали с полуслова. Так почему, любимый, почему? Что я сделала не так?

Утыкаюсь в подушку, реву...

В себя меня приводит звонок.

Снова — неизвестный номер. Вытираю слёзы и говорю с опаской:

— Алло...

— Ты плакала, Мэй? — голос такой родной и усталый.

Игнорирую, спрашиваю другое:

— Почему ты звонишь с неизвестного номера?

— Ты же сама меня заблокировала, солнышко, — хмыкает.

— Чего ты хотел? — меня выбешивает, что он так спокоен, будто ничего не произошло. Будто всё по-прежнему, и нет Карины с Дениской...

— Спросить, когда вернёшься домой?

— Ты пил, Букреев?

— Нет, трезв, как стёклышко. Ещё рабочий день. У меня пара совещаний. А вот после — могу заехать за тобой, сядем, всё обсудим. Как тебе идея?

— Фиговая, честно, Ген. Я не стану с тобой разговаривать

без адвоката.

Прямо чувствую, как он там подбирается и леденеет:

— Мэй, не глупи. Нам с тобой нечего делить.

— Зря ты так думаешь. До встречи в суде, милый...

Отбиваю, меня теперь не просто трясёт, колотит, зуб на зуб не попадает. Решаю пойти на кухню и сделать себе чай. В голове не укладывается — как можно быть таким... беспринципным, как Генка. Неужели ему всё равно? Неужели полагает, что я прощу?

Нам нечего делить...

Ошибаешься, милый. Есть! Притом — не на двоих.

Делаю себе чай, поглядываю в окно. Уже вечереет. Сегодня был сумасшедший день, дождливый и серый. Совсем скоро — лето. Я должна закрывать производственную практику. Интересно, Генка мне её подпишет. В свете открывшихся обстоятельств, так сказать...

Погрузившись в мысли, не сразу замечаю, что к дому идёт один из охранников. Меряет широкими шагами умытые дождём камни дорожки... Стучит...

— Что-то случилось? — удивлённо смотрю на него.

— Там вас спрашивают...

— Меня?

— Да, именно вас, Саломея Львовна.

— Кто?

— Он представился старым другом вашего отца. Говорит, остальные подробности при встрече. Мы его обыскали и про-

верили — чист.

— Хорошо, сейчас выйду.

Накидываю кардиган и семеню следом за секьюрити.

У ворот и вправду замечаю человека. Сильно за пятьдесят, невысокий, сутулый, хлипкий такой.

Когда подхожу ближе — улыбается мне. Зубы плохие, прокуренные, жёлтые. У моего отца были такие друзья?

— Здравствуйте, Саломея Львовна, рад, рад, очень рад. Хватает мою руку обеими своими и трясёт изо всех сил. При этом смотрит мне в глаза. Очень внимательно. Не отводя взгляд. И реальность начинает плыть. Я теряю связь с ней. Он продолжает держать меня за руку, приближает губы к уху и выдыхает:

— Видите, вон там — моя машина, — киваю. И впрямь чуть поодаль стоит потрёпанная девятка. — Сейчас мы пойдём и вместе сядем в неё.

— Хорошо, — отвечаю на автомате.

— Велите вашим охранникам не ходить за вами.

— Да-да, — оборачиваюсь к парням, машу рукой. — Всё нормально. Я уеду с ним, — указываю на незнакомца.

Охранники вроде бы и соглашаются, но глаз с нас не спускает, один даже достаёт телефон...

Но реальность рябит ещё сильнее.

— Идёмте, вам надо сесть.

Бреду за ним, послушная и непререкающаяся...

Он открывает передо мной дверь, помогает сесть на пас-

сажирское. Сам обходит машину и устраивается за рулём. Когда мы уже стартуем, протягивает мне бутылку вроде бы с минералкой и произносит:

— Выпейте это.

Беру воду. Пить действительно хочется невероятно...

... на третьем глотке отключаюсь...

Глава 5

Веки словно свинцовые. Да что там веки? Всё тело — тяжёлое, не моё. Во рту — пустыня Сахара... Но я всё-таки пытаюсь открыть глаза. Взгляд расфокусирован. Перед ним только — маячит белое пятно. И ничего больше. Но мне нужно сосредоточиться, увидеть...

Пытаюсь шевельнуться, вместо слов изо рта вырываются хрипы...

Белое пятно приближается, обретает очертания. Всё ещё смазано, но всё же могу разглядеть — это женщина, лет тридцати пяти. Короткие выбеленные волосы в барашковой химии, полная, лицо строгое, неприятное. Одета в белый халат. Доктор, что ли?

— Лежи не дёргайся, — командует она, голос прокуренный и низкий. — Больно почти не будет. Я быстро.

Замечаю в её руках шприц. Пытаюсь помотать головой и отползти.

— Нет... — выдавливаю из себя, слова скребут сухое нёбо, как наждаком. — За... чем...

— Тебе, мажорочка, не понять, — фыркает женщина. — А у меня двое спиногрызов, муж-алкаш и ипотека. А тут платят нехило. Грех отказываться. Бабки, дорогуша, решают всё... Это у тебя муженёк миллиардер, не всем так повезло...

Хочу возразить ей, но переключаюсь на боль — игла впи-

вається в вену на руку. Будто расплавленное железо запускает. Немного больно? Да у меня глаза лезут на лоб! Покрываюсь вся липкой испариной. В горле ещё сильнее пересыхает.

— Во...ды... — хриплю на грани слышимости. — Про...шу...

— Нельзя тебе пока. Терпи! — чеканит врачиха. — Ты под завязку накачана Л-156. А если считать, что он лёг на ту гадость, которой тебя опоили раньше, вообще дикая смесь. Тебе сейчас надо пережить. Скоро отпустит, тогда и попьёшь.

Она собирает свои вещички и спокойно идёт к двери. Забыв о клятве Гиппократы и правиле: «Не навреди»

Но скоро становится не до неё — меня выворачивает, выкручивает болью, кажется, каждая косточка сгорает и плавится. Я даже кричать не могу... Сознание снова меркнет — мой слабый организм не в силах сопротивляться такой дичи...

В этот раз не темнота — свет. Яркий солнечный день. Луг, а чуть дальше — ослепительно поблёскивает речка.

— Идём, мама, ну идём же.

Маленький мальчик тянет меня за руку. Смотрю на него — у него Генкины глаза, тоже сине-зелёные, переливчатые. И в волосах путается солнце. Самый красивый малыш на Земле.

— Мама, ну что ты застряла. Давай же. Здесь так жарко. Пошли купаться.

И мы бежим вместе к реке.

Окунается в её прохладу, брызгаемся, рассеивая по воздуху мириады алмазных капель, смеёмся.

— Мама-мама, смотри. Я могу делать радугу, — сынок подкидывает воду вверх, и она осыпается на нас сияющими разноцветными брызгами...

Рывком прихожу в себя, потому что вода на теле — это не сон. Меня действительно облили. Сажусь, мотаю головой, отфыркиваясь. Кладу руку на живот и тихо шепчу: «Спасибо, малыш». Его прелестное личико тает, но он успевает сказать: «Не бойся! Я с тобой!» Малыш исчезает, а надо мной склоняются мерзкие рожи...

— Очухалась! — констатирует один. — Не наврала врача!

Другой без слов протягивает мне бокал, полный свежего лимонада со льдом. Пью жадно. Кажется — поглощаю небесный нектар. Напившись, возвращаю сосуд и осматриваюсь. Комната как комната — ничего примечательного: кровать, на которой лежу я, шкаф, тумбочка рядом, дешёвые обои, простенькие шторы на окне, глухо задёрнутые сейчас... Словно в типовой и очень недорогой гостинице. Я всё ещё чувствую слабость во всём теле, меня ведёт, но голова уже намного легче, и глаза видят чётче...

Тот, что поил меня, тощий хмырь, уродливый, прыщавый, набирает кого-то и говорит в трубку:

— Босс, она очнулась.

— Приступайте, — слышу как сквозь вату голос, который кажется мне смутно знакомым. Мужской, низкий, с холодными нотками...

— Будет сделано, — отчитывается он, отключается и говорит кому-то: — Заходите.

И комната наполняется людьми: кто-то заносит «плечики» с брендовой одеждой, кто-то зеркала и наборы косметики.

Смотрю на это ошарашено и ощущение, будто оказалась на съёмках какого низкопробного фильма...

Ощущение сюрра не ослабевает, особенно, если учесть, что вокруг меня выются стилисты-визажисты... Меня наряжают, как живую куклу. С одной стороны, я вроде понимаю и осознаю всё, что происходит вокруг. Но с другой... Слабость такая, что не могу двигать конечностями. Мой управляют, крутят, вертят, как хотят...

Кто вообще сказал, что я люблю красный? Это вульгарное платье с огромным декольте сверху и разрезом снизу делает меня похожей... на охотницу за наживой. Из тех, что не гнушаются ничем. Алая помада увеличивает губы — а они у меня и так естественно пухлые. Никогда не подкачивала. Мне хочется содрать это с себя, умыться и... чтобы всё прекратилось. Хочется домой, под тёплый бок Генки. Чтобы обнял, спрятал от всех бед, утешил. Сейчас совсем нет злости и обиды на него. Только безумная тоска по единственно лю-

бимому.

Мысли о муже помогают отвлечься от того, что творится вокруг. А окончательно в себя прихожу, когда кто-то пытается снять у меня с пальца обручальное кольцо...

— Это нам не надо. По сценарию — она должна быть без кольца.

— Нет, — жалобно хриплю, наклоняюсь и кусаю ладонь, которая покусилась на святыню. Кольцо я сниму только сама. Сниму и швырну Гене, если заслужит. Не им решать!

Мужик взвизгивает и замахивается на меня.

Его руку перехватывает стилист, который недавно соорудил мне воистину блядскую причёску.

— С ума сошёл! Забыл, какие были распоряжения?!

— Она кусается! — обиженно, словно маленький ребёнок, заявляет один из моих охранников.

— Переживёшь! — цыкает на него ушлый тип в просторных канареечно-жёлтых штанах и перевёрнутой бейсболке. — Так, все готовы?! — интересуется, окидывая взглядом разношёрстную толпу. — Тогда на выход.

На меня надевают туфли на высоченной шпильке, и те двое, что поили меня после пробуждения, подхватывают под руки.

И хорошо, потому что меня ломает, будто я подхватила грипп. Неприятно потряхивает, ноют кости.

— Это откат, — сочувственно говорит канареечный, заметив моё состояние. — Препарат, которым тебя накачали,

имеет много побочных. Но основное его действие — превратить человека в куклу, в послушную марионетку. Ты будешь всё понимать и осознавать, но вынуждена выполнять то, что от тебя требуют. Любое проявление воли или сопротивление будет сказываться на тебе же. Читала, наверное, в фэнтези про всякие артефакты, подчиняющие человека, и что случается с тем, кто не подчиняется? — Тупо киваю, потому что от шока не могу произнести ничего внятного. Мысли от таких известий — в кисель, а интуиция вопит внутри. — Вот, что-то подобное и здесь. Так что лучше будь послушной няшей и думай о своём малыше. — И задорно подмигивает мне.

Когда меня выводят из подъезда — оглядываюсь на дом, в котором находилась та квартира-тюрьма, где меня держали. Типовая многоэтажка, таких тысячи вокруг. И никому из жителей нет дела, куда это с эскортом волокут девицу. Наверное, со стороны кажется, что я пьяна.

На парковке у подъезда ждёт машина, тоже ничем непримечательная — на такой легко затеряться на дорожном полотне. Меня подводят к ней, и тут канареечный командует:

— Так, поставьте её у двери, хорошо, — комментирует он, когда меня, словно статую, ставят возле авто. — А ты, кукла Няша, обернись и положи ладошку на ручку двери, вот так. Замечательно. — Достает гаджет и щёлкает меня с разных ракурсов. — Красота! Теперь видно, что в машину ты села по доброй воле.

Доброй? Мне хочется впитаться этому ублюдку в глотку.

Но сейчас я только и могу, что ухмыляться и мысленно желать ему всех кар. И думать, чтобы я с ним сделала.

Меня усаживают на заднее сидение, и мы трогаемся.

Канареечный что-то вещает рядом, я киваю на автомате, не слушая его. Смотрю в окно, стараюсь запомнить дорогу. Но — нужно признать — я плохо знаю город. Всю мою сознательную жизнь меня возили, куда скажу. Поэтому понять направление и что меня ждёт не получается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.